

«Пахнут смертью господские Липки...»: О контекстах «киевского» стихотворения Мандельштама

И.С. Булкина

Аннотация: Последнее «киевское» стихотворение Мандельштама прочитано в контексте сборника Николая Ушакова «Киев» (1936). Исторические и топографические комментарии к сюжету стихотворения о «мертвом городе»: Киев 1919 г. и рефлексия на него Мандельштама в Воронеже 1937 г. Рассмотрены и переосмыслены «просоветские» реминисценции.

Ключевые слова: Осип Мандельштам, Николай Ушаков, Николай Островский, Киев, «Воронежские тетради».

Информация об авторе: Инна Семеновна Булкина, PhD Тартуского университета, независимый исследователь, Киев, Украина. E-mail: inna001@rambler.ru

Как по улицам Киева-Вия
Ищет мужа не знаю чья жинка,
И на щеки ее восковые
Ни одна не скатилась слезинка.

Не гадают цыганочки кралям,
Не играют в Купеческом скрипки,
На Крещатике лошади пали,
Пахнут смертью господские Липки.

Уходили с последним трамваем
Прямо за город красноармейцы,
И шинель прокричала сырая:
— Мы вернемся еще — разумеете...¹

«Как по улицам Киева-Вия...» — одно из последних стихотворений Мандельштама. Оно было написано в апреле 1937-го и, по свидетельству Н.Я. Мандельштам, должно было заключать «Воронежские тетради»: «Это стихотворение тоже надо вернуть на место. Одно время О. М. хотел кончить им Воронежские тетради, но мне кажется, что стихи о воскресших кончают их лучше. Тогда я этих

¹ Мандельштам О.Э. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 254.

стихов не знала»². В примечаниях к изданию в «Библиотеке поэта» Н.И. Харджиев указывает: «По сообщению Н.Я. Мандельштам, связано с воспоминаниями о пребывании в Киеве в 1919 г., во время эвакуации Красной Армии. Эти воспоминания были вызваны сборником стихов Н. Ушакова “Киев”, изданным в Киеве в 1936 г.»³.

Мирон Петровский — единственный из многочисленных комментаторов этого стихотворения, кто учитывает в своем анализе сборник Ушакова; при этом он полагает, что Мандельштам «откликнулся» «не на какое-то одно произведение или на определенные строчки Николая Ушакова, но на всю его книгу целиком»: «По свидетельству жены поэта, оно было вдохновлено книгой стихов Николая Ушакова “Киев”, вышедшей незадолго до того — в 1936 году, — насквозь прочитанной Мандельштамом. Но напрасно мы стали бы искать в книге Ушакова стихотворение или строчки, непосредственно от которых зажглось поэтическое воображение Мандельштама. Таких строчек там не обнаружить. “Как по улицам Киева-Вия...” — отклик не на какое-то одно произведение или на определенные строчки Николая Ушакова, но на всю его книгу целиком, на книгу, до предела насыщенную киевской конкретикой 1918, 1919 и ряда последующих лет. Эта книга всколыхнула в памяти Мандельштама воспоминание, относящееся к тому же месту и времени»⁴.

Мы попытаемся показать, что рефлексия Мандельштама на книгу Ушакова была вполне «определенной» и работа с этим контекстом позволяет точнее понять смысл его «киевского» стихотворения. По крайней мере, попробуем внимательно прочесть книгу, «насквозь прочитанную Мандельштамом» в Воронеже в 1937 г.

Николай Ушаков, в самом деле, был человеком из Киева 1919-го, человеком из «ХЛАМа», «подвала поэтов», где произошло знакомство Мандельштама с будущей женой, и поздние комментарии Надежды Яковлевны, которая видела себя той самой неведомо чьей «жинкой», ищущей пропавшего без вести мужа («как известно, я киевлянка»⁵), тоже продиктованы киевскими воспоминаниями 1919 г.

«Киев» Ушакова — опыт «фрагментарного» поэтического эпоса, во многом зависимый от пастернаковских поэм и сборников конца 1920-х, того, что сам Б.Л. Пастернак называл «хроникой [...]

² Мандельштам Н.Я. Третья книга. М., 2006. С. 443.

³ Мандельштам О.Э. Стихотворения / Изд. подгот. Н.И. Харджиев. Л., 1973. С. 304.

⁴ Петровский М.С. Городу и миру. Киевские очерки. Киев, 1990. С. 259–260.

⁵ Ср. комментарий Н.Я. Мандельштам: «Конкретизация тревоги и размышлений о египетских казнях, флейтистах и тому подобных вещах: как известно, я киевлянка» (Мандельштам Н.Я. Третья книга. С. 443).

в стихотворной форме»⁶. Сборник Ушакова состоит из пяти разделов, причем влияние киевских стихов Пастернака более всего ощутимо в городских зарисовках первого раздела «Утро». Отдельный интерес представляет второй раздел — «1918», это «городская повесть», написанная по мотивам «петербургской повести» о «бедном Евгении». Одноименный герой повести Ушакова изображен на фоне бурной киевской истории 1918-го: конец февраля, смена властей — вступление в Киев немцев, смена времен года — за весной наступает лето, в начале июня происходит взрыв военных складов в Зверинце, жертвой которого стала невеста Евгения Настенька; Евгений теряет разум и очередной смены властей — ухода немцев и гетмана, прихода петлюровцев — он уже не замечает.

С этим сюжетом связано знаменательное совпадение: взорванные киевские пещеры и наступление «ледяной бригады» по Днепру упоминаются еще в одном стихотворении. Это «Киев» Валентина Катаева (1923), и там впервые (не перифрастически, как у Тютчева, а «прямым текстом») появляется соположение Киева и Вия. Кажется, оно отчасти продикувано ассоциациями с «Кошмаром» и «Киевскими пещерами» из «Трилистника кошмарного» Ин. Анненского. Причем, отметим гоголевский подтекст этих «кошмаров» у Анненского, а затем и у Катаева, ощущение могильной духоты и смертельной тяжести: «“Душно мне! душно!” — простонал он диким, нечеловечьим голосом. Голос его, будто нож, царапал сердце, и мертвец вдруг ушел под землю»⁷. (Ср. в «Киевских пещерах»: «Что-то по самые плечи / В землю сейчас уходило, / Чьи-то беззвучно уста / Молят дыханья у плит ...»⁸). У Катаева продолжается «кошмарный» пещерный сюжет, из взорванных (пусть даже «в уме») пещер поднимается тот самый гоголевский мертвец:

Перестань притворяться, не мучай, не путай, не ври,
 Подымаются шторы пудовыми веками Вия.
 Я взорвать обещался тебя и твои словари,
 И Печерскую лавру, и Днепр, и соборы, и Киев.
 Я взорвать обещался. Зарвался, заврался, не смог,
 Заблудился в снегах, не осилил проклятую тяжесть,
 Но, девчонка, смотри: твой печерский языческий бог
 Из пещер на тебя подымается, страшен и кряжист.
 [...]
 Он скрипит сапогами, ореховой палкой грозит,
 Шелушится по стенам экземою, струпьями фресок,
 Он дойдет до тебя по ручьям, по весенней грязи,
 Он коснется костями кисейных твоих занавесок⁹.

⁶ Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003. Т. 1. С. 520.

⁷ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1968. Т. 1. С. 202.

⁸ Анненский Ин. Избранные произведения. Л., 1988. С. 74.

⁹ Катаев В. Отец. М., 1928. С. 312.

Мы не можем с уверенностью утверждать, что это стихотворение было актуально для Мандельштама в апреле 1937 г., но, по всей видимости, Катаев читал его Мандельштаму в 1923 г., в разгар своего романа с Е.А.Булгаковой¹⁰.

Однако вернемся к «Киеву» Ушакова. В следующих разделах, «Сказанье старых времен» и «Но военное счастье переменчиво», продолжается рассказ о событиях гражданской войны 1918–1919 гг., при этом Ушаков стремится выстроить «историческое» повествование и создать ощущение «документальной хроники»: к стихам прилагаются прозаические комментарии, зачастую с цитатами из советских газет и речей Сталина.

Последний раздел посвящен советскому Киеву, он носит название «*Мы над Киевом знаменем веем*», и его жизнеутверждающий пафос можно определить характерным девизом второй половины 1930-х: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Но мы, прежде всего, обращаем внимание на буквальное ритмическое и фонетическое совпадение этого названия с мандельштамовской формулой «*Как по улицам Киева-Вия*». В «советском» разделе речь об успехах коммунистического строительства, о мирной городской жизни, театре и университете, а заканчивается он стихотворением «Жемчужина (Еще о Киеве)»:

Ветер медленный и лазурный
Перестук ближних строек донес,
Против ЦИКа
Над розовой урной
Задевая зеркальный утес¹¹.

И соответствующее примечание: «21 января 1934 года Всеукраинский исполнительный комитет в связи с решением XII съезда КП(б)У постановил перенести столицу УССР в Киев. [...] С весны 1934 г. промышленное и коммунистическое строительство в Киеве пошло ускоренным темпом. Вокруг Киева стали расти первые цеха новых заводов. В б. Липках и на Печерске, на ул. Воровского (Крещатик), Чудновского (Терещенковская), Леонтовича (Гимна-

¹⁰ Историю своих отношений с Е.А.Булгаковой («синеглазкой») Катаев описал в рассказе «Медь, которая торжествовала», а затем в романе «Алмазный мой венец». О посвященных «синеглазке» стихах, которые он читал Мандельштаму, см.: Катаев В. Алмазный мой венец. М., 1994. С. 228–229; см. также: Котова М.А., Лекманов О.А., Видгоф Л.М. В лабиринтах романа загадки. Комментарий к роману В.П. Катаева «Алмазный мой венец». М., 2004. С. 111. Ср. также признание Катаева в мемуарах Б.Панкина: «Мандельштам браковал все, что я написал, но находил одну-две настоящие строчки, и это было праздником и наградой» (Панкин Б. На грани стихий // Новый мир. 1986. № 8. С. 250).

¹¹ Ушаков Н. Киев. Киев, 1936. С. 71.

зическая), Лысенко (Театральная), на ул. 25 Октября (Институтская) [...] киевляне увидели новые дома. Перед ЦИКом Украины поставлен памятник борцам за революцию — урна на черной полированной скале»¹².

Памятник был поставлен в бывшем Царском саду, получившем название «Парк Жертв революции», чуть ниже Купеческого сада на спуске с Печерска. Заканчивается это стихотворение строфой о Липках и о запахе, который спускается сверху — с печерских Липок к Крещатику:

Тянет запахом знойным и липким,
он откуда-то сверху идет.
Это липы в цвету,
это Липки,
это липень как липовый мед¹³.

Отметим это напоминание о «борцах и жертвах» вместе с характерным совпадением киевской топографии: направление сверху вниз, от Липок к Крещатику, и идущий сверху запах — «знойный и липкий», запах липового меда у Ушакова, и запах смерти у Мандельштама. В таком топографическом контексте напомним также, что «ХЛАМ» находился в соседнем квартале, в подвале гостиницы «Континенталь» на Николаевской улице, тоже спускавшейся с Липок. В Липках в 1919 г. размещалась Украинская ЧК и — по городской легенде (впрочем, вполне обоснованной) — пыточные подвалы в экспроприированных особняках.

В очерке 1929 г. «Киев и его окрестности», написанном во многом под влиянием мандельштамовского очерка «Киев» (1926), Ушаков описывает «ХЛАМ» в те весенние месяцы 1919 г., когда там появился Мандельштам: «В марте 1919 г. организовался первый киевский подвал поэтов ХЛАМ... Он помещался в подвальчике на Николаевской, где теперь клуб правозаступников. На улицах стояла пронзительная сырость. Из подвала были видны австрийские ботинки идущих мимо красноармейцев... В ХЛАМе подавали бифштексы и вино. Поэты просили, чтобы публика не звенела ложечками о стаканы. [...] Стихи поэтов слушали комиссары, студистки и гурманы, затем поэты и все остальные слушали стихи комиссаров. На святой прибыли О. Мандельштам и Рюрик Ивнев. Зеленый собирался взять Киев. В мае ХЛАМ лопнул...»¹⁴

После того как «ХЛАМ лопнул» и Мандельштама выдворили из «Континенталья», он поселился у Хазиных, на углу Крещатики и Институтской, еще одной улицы, спускавшейся с Липок к Креща-

¹² Там же. С. 85–86.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ Ушаков Н. Киев и его окрестности // Ветер Украины. Киев, 1929. Кн. 1. С. 122.

тику. Это и есть та ключевая киевская локация, описанная в «Киеве-Вие»: «Под самый конец, когда большевики перед уходом расстреливали заложников, мы увидели в окно — к этому времени Мандельштама уже выгнали из гостиницы и он жил с братом в кабинете моего отца — телегу, полную раздетых трупов. Они были небрежно покрыты рогожей, и со всех сторон торчали части мертвых тел. Чека помещалась в нашем районе, и трупы через центр вывозились, вероятно, за город. Мне сказали, что там был сделан желоб, чтобы стекала кровь, — техника еще была наивной»¹⁵.

Итак, «воспоминание» о Киеве 1919 г. в Воронеже 1937 г., «навеянное» сборником Ушакова, было по смыслу своему прямо противоположно жизнеутверждающему «советскому» разделу «*Мы над Киевом знаменем веем*», а запах, идущий «сверху», с Липок, для Мандельштама на тот момент со всей очевидностью был запахом смерти. В этой связи, как нам кажется, следует обратиться к еще одному исследовательскому сюжету о «советских» реминисценциях в этом стихотворении. А. де Жонж в свое время показал его сходство с эпизодом отступления красных в романе Н. Островского «Как закалялась сталь» и с обещанием «Мы еще придем, товарищи!», прозвучавшим в конце 7-й главы. При этом американский исследователь делает вывод о «позитивном» значении метонимической «шинели» и о «просоветском оттенке тона и ассоциаций мандельштамовского стихотворения»¹⁶. Наблюдения А. де Жонжа выглядят тем убедительнее, если помнить, что Мандельштам в Воронеже действительно работал над радиоверсией романа Островского. О том, как он относился к тексту романа, свидетельствует письмо Сергея Рудакова жене: «Теперь радио-дела. 1-я часть сделана так. Взял Островский, составлен монтаж из его кусков, но т.к. они Осю не удовлетворяют художественно, он многое пересказал в своем вольном стиле, приукрасил бедного автора своей манерой, так сказать, подарил ему свои красоты»¹⁷.

Надо думать, в случае стихотворных реминисценций, «монтаж» оказывается более «вольным», сложным, и фактически «пересмысливает» оригинальный текст. Именно так это произошло с «запахом Липок» из книги Ушакова. «Киевское» стихотворение 1937 г. по своему смыслу и пафосу прямо противоположно «киевскому» очерку 1926 года о «самом живучем городе». (Хотя и там «погромный липовый пух в нервическом майском воздухе» — сво-

¹⁵ Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1999. С. 26.

¹⁶ Жонж А. де. Как закалялось стихотворение: Мандельштам и Н. Островский // Русская литература XX века: исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 433.

¹⁷ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 96.

его рода *memento mori*.) Ключевой образ стихотворения — образ мертвого города, и гоголевский Вий здесь, кроме всего прочего, должен напомнить о сюжете одноименной повести: о мертвецах и о панихиде. Все это в самой малой степени сочетается с «просоветским оттенком» последнего раздела ушаковского сборника («*Мы над Киевом знаменем ведем*») и его пафосом «жить стало лучше».

И обратим внимание еще на одну особенность этого текста, коль скоро мы сопоставляем его с романом Н. Островского. «Как закалялась сталь» — фактически двуязычная книга, где украинская речь вплетается в авторскую ткань отчасти как «местный колорит» и знак «народного» происхождения героев. Роль «украинизмов» в стихотворении Мандельштама не столь очевидна и однозначна. Но если мы, вслед за А. де Жонжем, читаем реплику красноармейца («сырой шинели») на фоне романа Островского, то признаем: в оригинальном виде («Мы еще придем, товарищи!») в контексте «Киева-Вия» она звучала бы угрожающе. Но то, что «сырая шинель» в конце стихотворения и потерявшая мужа «жинка» в его начале принадлежат к одной языковой стихии, делает их персонажами одного ряда — потерянными, потерявшимися, потерпевшими поражение жертвами.

Последнее «киевское» стихотворение содержит в себе два временных плана — 1919 г. и 1937 г. По мысли М. Петровского, «оно отражает не столько точку зрения и опыт Мандельштама 1937 года, сколько — года 1919-го»¹⁸. Нам представляется, что все обстоит совершенно иначе, и стихи о мертвом городе, запахе смерти и потерявшей мужа киевской «жинке» — это именно воронежские стихи 1937 г. Но М. Петровский прав в другом: в этом стихотворении соединились два разных ощущения и видения киевской истории 1919 г., и читать его нужно на фоне «просоветских» текстов Ушакова и Островского, но точно так же — на фоне первого киевского стихотворения «На каменных отрогах Пиэрии...». Вместе с «осколками» «Свадебных песен» Сафо¹⁹ там есть счастливое и праздничное ощущение утопии искусства («О, где же вы, святые острова...»), которое приносит с собой «новый мир», — это и было киевское ощущение весны 1919 г. Последнее «киевское» стихотворение передает то «сознание обреченности», о котором «задним числом» вспоминает Надежда Яковлевна, говоря о первых днях знакомства с Мандельштамом в мае 1919 г.

¹⁸ Петровский М.С. Городу и миру. Киевские очерки. С. 261.

¹⁹ Ср.: «Перед тем, как написать стихи о свадьбе и черепахе, Мандельштам перелистал у меня в комнате томик переводов Вячеслава Иванова из Алкея и Сафо в милом Сабашниковском издании...» // Мандельштам Н. Вторая книга. С. 36. См. также: Тарановский К. Пчелы и осы (Очерки о поэзии О. Мандельштама) // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 127.

Литература

Жонж Алекс де. Как закалялось стихотворение: Мандельштам и Н. Островский // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 422–435.

Катаев В.П. Алмазный мой венец. М., 1994.

Котова М.А., Лекманов О.А. [Видгоф Л.М]. В лабиринтах романа-загадки. Комментарий к роману В.П. Катаева «Алмазный мой венец». М., 2004.

Мандельштам О.Э. Стихотворения / Изд. подгот. Н.И. Харджиев. Л., 1973.

Мандельштам О.Э. Соч. В 2 т. / Сост. П.М. Нерлер; подгот. текста и коммент. А.Д. Михайлова и П.М. Нерлера. М., 1990.

О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С.7–185.

Мандельштам Н.Я. Вторая книга / Предисл. и примеч. А. Морозова. М., 1999.

Мандельштам Н.Я. Третья книга / Сост. Ю.Л. Фрейдин. М., 2006.

Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. / Сост. Е.Б. Пастернак, Е.В. Пастернак. Коммент. Л.С. Флейшман. М., 2003. Т. 1.

Петровский М.С. Городу и миру. Киевские очерки. Киев, 1990.

Тарановский К. Пчелы и осы (Очерки о поэзии О. Мандельштама) // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 123–164.

Ушаков Н. Киев. Киев, 1936.

Ушаков Н. Киев и его окрестности // Ветер Украины. Киев, 1929. Кн. 1.

References

Kataev V.P. *Almaznyi moi venets* [Diamond is my crown]. Moscow, 1994.

Kotova M.A., Lekmanov O.A. [Vidgof L.M]. *V labirintakh romana-zagadki. Kommentarii k romanu V.P. Kataeva «Almaznyi moi venets»* [In the labyrinths of the novel-riddles. Commentary on the novel by V.P. Kataev "Diamond is my crown"]. Moscow, 2004. (In Russ.)

Mandel'shtam O.E. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Izd. podgot. N.I. Khardzhiev. Leningrad, 1973. (In Russ.)

Mandel'shtam O.E. *Sochineniia: V 2 t.* [Works: In 2 vols]. Sost. P.M. Nerler; podgot. teksta i komment. A.D. Mikhailova i P.M. Nerlera. Moscow, 1990. (In Russ.)

O.E. Mandel'shtam v pis'makh S.B. Rudakova k zhene (1935–1936) [O.E. Mandel'shtam in letters SB. Rudakova to his wife (1935–1936)]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1993 god. Materialy ob O.E. Mandel'shtame* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1993. Materials about OE Mandel'shtam]. St. Petersburg, 1997, pp. 7–185. (In Russ.)

Mandel'shtam N.Ia. *Vtoraia kniga* [The second book]. Predisl. i primech. A. Morozova. Moscow, 1999. (In Russ.)

Mandel'shtam N.Ia. *Tret'ia kniga* [The third book]. Sost. Iu. L. Freidin. Moscow, 2006. (In Russ.)

Pasternak B.L. *Poln. sobr. soch.: V 11 t.* [Complete set of works: In 11 vols.]. Sost. E.B. Pasternak, E.V. Pasternak. Komment. L.S. Fleishman. Moscow, 2003, t. 1.

Petrovskii M.S. *Gorodu i miru. Kievskie ocherki* [The city and the world. Kiev essays]. Kiev, 1990. (In Russ.)

Taranovskii K. *Pchely i osy (Ocherki o poezii O. Mandel'shtama)* [Bees and wasps (Essays on the poetry of O. Mandel'shtam)]. Taranovskii K. *O poezii i poetike* [About poetry and poetics]. Moscow, 2000, pp. 123–164. (In Russ.)

Ushakov N. *Kiev*. Kiev, 1936. (In Russ.)

Ushakov N. Kiev i ego okrestnosti [Kiev and its environs]. *Veter Ukrainy* [Wind of Ukraine]. Kiev, 1929, kn. 1. (In Russ.)

Zhonzh Aleks de. Kak zakalialos' stikhotvorenie: Mandel'shtam i N. Ostrovskii [How the poem was tempered: Mandelstam and N. Ostrovsky]. *Russkaia literatura XX veka: Issledovaniia amerikanskikh uchenykh* [Russian literature of the twentieth century: Studies of American scientists]. St. Petersburg, 1993, pp. 422–435.

**“Pahnut smert’iu gospodskie Lipki”:
on some contexts of the “Kiev poem” by Osip Mandelstam**

Inna S. Bulkina

Abstract: The last Kiev-related poem by Mandelstam is interpreted in the context of Nikolay Ushakov’s collection of poems “Kiev” (1936). Historical and topographical comments on the plot of the poem about the “dead city” given on the article consider: Kiev in 1919 and reflections on it in Voronezh in 1937. Supposedly “pro-Soviet” reminiscences in the poem are revisited.

Keywords: Osip Mandelstam, Nikolay Ushakov, Nikolay Ostrovsky, Kiev, “Voronezh notebooks”.

Information about the author: Inna S. Bulkina, PhD, independent researcher, Kiev, Ukraine. E-mail: inna001@rambler.ru